

Пыпин Александр Николаевич

История русской литературы

Том 1. Древняя письменность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Николаевич П.**
История русской литературы: Том 1. Древняя письменность / Пыпин Александр Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 496 с.

ISBN 978-5-519-80058-7

ISBN 978-5-519-80058-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

лѣтія; старые памятники не заслонялись новыми, какъ новою ступенью литературнаго развитія,—напротивъ, новые примыкали къ старымъ, какъ ихъ непосредственное продолженіе, и они не разъединялись въ представленіяхъ самихъ книжниковъ. Исторія дѣлала свое; совершались событія, которыя бывали цѣлыми переворотами въ политической жизни народа, — но письменность сохраняла тѣ же традиціонныя формы. Такова была лѣтопись; таковы были памятники паломничества; таковы были памятники древней повѣсти; такова была литература церковнаго поученія, житія, наконецъ, отреченныхъ книгъ и т. д. Въ связи съ этимъ мы наблюдаемъ другое явленіе. Московская Русь, когда установилась въ обширное царство, оказалась на перепутьѣ: какъ бы въ предчувствіи новыхъ теченій національной жизни, она думала закрѣпить все старое содержаніе письменности, какъ національное достояніе, на которомъ воспитался русскій народъ и сталъ великимъ народомъ, и достояніе, изъ предѣловъ котораго онъ не долженъ выходить и впредь, потому что въ немъ предполагалась вся истина. Эта мысль выразилась цѣлымъ рядомъ сборныхъ трудовъ: такова была Степенная книга, которая въ обычной компилятивной формѣ хотѣла объединить изложеніе русской исторіи отъ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ временъ; таковъ былъ Хронографъ, который по старымъ и застарѣлымъ свѣдѣніямъ излагалъ русскому читателю всеобщую исторію; таковъ былъ Азбукovníкъ, который собиралъ изъ рукописей старыхъ и новыхъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, составлявшія своего рода научную энциклопедію; таково было, наконецъ, громадное предпріятіе митрополита Макарія, который въ своихъ Четивхъ-Минейхъ хотѣлъ объединить всю старую русскую письменность въ порядкѣ святцевъ... Такимъ образомъ, при постановкѣ историко-литературнаго вопроса сама собою является мысль о необходимости соединить однородное, хотя разновременное по происхожденію,—потому что по существу оно имѣло внутреннюю связь и равную цѣнность для читателя. Простое хронологическое распредѣленіе памятниковъ „по вѣкамъ“ въ этомъ смыслѣ не достигаетъ цѣли, такъ какъ вынуждало бы къ постояннымъ возвращеніямъ назадъ. Вопросъ не безразличенъ, по-

тому что съ извѣстной постановкой изложенія соединяется представленіе о внутреннемъ значеніи самыхъ явленій.

Нѣтъ сомнѣнія, что самая задача исторіи требуетъ вниманія къ хронологическому теченію фактовъ; но эта цѣль можетъ быть достигаема общими указаніями историческихъ періодовъ. Замѣтимъ, что самые факты древней письменности до сихъ поръ еще не сполна приведены въ извѣстность, и въ тѣхъ, которые извѣстны, не всегда опредѣлено время ихъ происхожденія и, въ древнемъ періодѣ, иногда не опредѣлено даже, былъ ли памятникъ русскаго или южно-славянскаго происхожденія.

Другое явленіе, которое, по нашему мнѣнію, могло требовать отступленія отъ обычныхъ приемовъ, есть судьба народной поэзіи. Въ своемъ мѣстѣ мы объясняемъ, почему считали неудобнымъ, почти невозможнымъ, ставить ея изложеніе въ началѣ цѣлой исторіи, какъ это дѣлалось,—невозможнымъ потому, что обыкновенно мы знаемъ нашу народную поэзію почти только въ ея новѣйшей формѣ, когда она испытала на себѣ вліяніе всѣхъ послѣдовательныхъ вѣковъ исторіи, о которыхъ еще не было рѣчи: въ ней предстоитъ еще выдѣлять древнее отъ новѣйшаго,—и этотъ предварительный трудъ до настоящаго времени далеко не законченъ, можно сказать, только начатъ.

Исторія новѣйшей литературы со временъ Петра, или еще раньше, съ XVII-го вѣка, представляетъ совсѣмъ иную картину. Историкъ можетъ послѣдовательно наблюдать два исторически развивающіяся движенія: во-первыхъ, постоянное расширеніе европейскихъ вліяній, приносившихъ новый матеріалъ знанія и новыя литературныя формы, которыя были и формами всей европейской литературы, и, во-вторыхъ, столь же постоянное расширеніе содержанія русской жизни въ этихъ литературныхъ формахъ, сначала чуждыхъ и искусственныхъ, потомъ все болѣе привычныхъ. Хронологическая послѣдовательность исторіи не подлежитъ здѣсь никакому сомнѣнію. Каждое поколѣніе имѣло своего великаго представителя и даже иногда не одного, въ области поэзіи, въ усовершенствованіи литературнаго языка, въ вопросахъ общественнаго просвѣщенія, и каждое поколѣніе представляло собою новый шагъ въ развитіи литературы. Имена Ломо-

носова, Державина, Фонъ-Визина, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Гоголя, давно стали историческими показателями знаменательныхъ моментовъ въ развитіи нашей новѣйшей литературы.

Наконецъ, внѣшній способъ изложенія находится въ зависимости отъ состоянія научной литературы. Въ литературѣ богатой, обладающей большими средствами детальной разработки, частичныхъ обобщеній и цѣльныхъ обзоровъ, можно было руководиться положеніемъ, что исторія литературы есть исторія идей, а не исторія книгъ, — потому что послѣднюю читатель найдетъ сполна въ другихъ специальныхъ книгахъ. Мы также имѣли въ виду не исторію книгъ, — но для насъ былъ особый интересъ въ довольно значительныхъ библіографическихъ указаніяхъ: онѣ доставляютъ любознательному читателю и начинающему ученому возможность войти въ подробности предмета и познакомиться съ настоящимъ положеніемъ его разработки, а вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ, хронологическимъ сопоставленіемъ изслѣдованій, исторію развитія отдѣльныхъ историко-литературныхъ вопросовъ; это послѣднее вводитъ читателя и въ исторію науки, въ которой отражались и самыя судьбы нашей общественности.

Отдѣльные очерки настоящей книги появлялись въ „Вѣстникѣ Европы“ съ конца 1893 г., частію и раньше: здѣсь они переработаны и значительно дополнены, а кромѣ того снабжены упомянутыми библіографическими примѣчаніями.

А. П.

Октябрь, 1897.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе.

стр

Введение.—Объемъ предмета. Разработка исторіи русской литературы. Стр. 1—41.

Вопросы литературной исторіи.—Изученіе литературы „всеобщей“ и литературы національных.—Различныя точки зрѣнія и объемъ изученія.—Литература какъ художество; какъ „психологія народа“; исторія литературы какъ часть „филологіи“.—Матеріалъ исторіи литературы.

Начало изученій русской литературы съ конца XVII вѣка.—Художественно-критическая исторія литературы, Бѣлинскаго.—Новыя возбужденія: изученіе древней письменности; интересы этнографическіе; изученіе славянства; сравнительная филологія и собираніе памятниковъ народной поэзіи; изученіе литературы, какъ отраженія исторической жизни общества и народа.—Историко-сравнительное изученіе: международныя отношенія литературы .

1

Библиографическія примѣчанія

32

Глава I.—Историческія условія русскаго національнаго развитія. Стр. 42—60.

Культурныя условія русскаго народнаго развитія.—Отличія отъ жизни романо-германскаго Запада.—Принятіе христіанства; значеніе дѣятельности славянскихъ апостоловъ и новая противоположность къ Западу съ раздѣленіемъ церквей.—Между-славянскія отношенія.—Татарское иго.—Московское объединеніе.—Стремленіе къ установленію культурнаго общенія съ Западомъ.—Органическій смыслъ нашего историко-литературнаго развитія.—Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды.

42

Глава II.—Начатки древне-русской письменности. Стр. 61—107.

Состояніе народной среды.—Племенные отношенія.—Языческій бытъ.—Переворотъ, произведенный водвореніемъ христіанства, въ бытъ и международныхъ отношеніяхъ.—„Двоевѣріе“.—Вліяніе Византіи и враждебное отноше-

ніє кь „латинѣ“.—Заботы кн. Владимира и Ярослава о христiанскомъ просвѣщеніи и школѣ.—Причины неуспѣха.—Обширная церковная литература, въ переводахъ южно-славянскихъ и русскихъ.—Собственные памятники: церковные и не-церковные.—Въ общемъ выводѣ: слабое состояніе просвѣщенія.

Мировоззрѣніе, образовавшееся на почвѣ двоевѣрія.—Отношеніе писателей кь народному быту: аскетизмъ и отрицаніе народнаго преданія.—„Книжное почитаніе“. 61

Библиографическія примѣчанія. 97

Глава III.—Древнія свидѣтельства о народной поэзіи. Церковная письменность. Стр. 108—140.

Свидѣтельства лѣтописи, церковныхъ уставовъ и обличеній, и другихъ памятниковъ.—„Слово Христолюбца“.—Преданія о князѣ Владимирѣ Святѣ.—Первые вопросы объ эпосѣ былинь.—Позднѣйшая лѣтопись о богатыряхъ былинь: Алеша Поповичъ.—Преданія старой лѣтописи.—Слово о полку Игоревѣ.—Стремленія народной поэзіи на новой, христiанской почвѣ.

Первые старо-славянскіе памятники.—Святославовъ Сборникъ.—Златоструй.—Маргаритъ.—Измарагдъ.—Златая Цѣпь.—Златая Матица.—Палей.—Прологъ.—Первая русская легенда.—Кіевскій Патерикъ 108

Библиографическія примѣчанія. 136

Глава IV.—Особенности древняго періода. Стр. 141—178.

Древній періодъ—время преобладающаго значенія южной Руси.—Отраженіе историческаго вопроса о кіевской Руси въ современныхъ взглядахъ на положеніе малорусской литературы.—Древнія отношенія русскихъ племенъ и нарѣчій.—Отличія народно-бытовныя: большая свобода и непосредственность.—Удѣльно-вѣчевой порядокъ.—Разнообразіе литературныхъ опытовъ.—Кіевское преданіе въ народной поэзіи.—Международное общеніе.—Вопросъ о кіевскихъ великоруссахъ. 141

Библиографическія примѣчанія. 172

Глава V.—Средніе вѣка русской письменности. Стр. 179—198.

Границы средняго періода.—Это періодъ спеціально великорусскій и московскій.—Татарское иго и освобожденіе.—Московское объединеніе; расширеніе территоріи.—Формы московской жизни.

Упадокъ образованія.—Усиленіе византійскихъ вліяній.—Возвышеніе іерархій.—Связи съ православнымъ Востокомъ.—Юго-славянскія отношенія.—Московское мировоззрѣніе: крайняя національная исключительность 179

Библиографическія примѣчанія. 198

Глава VI.—Татарское нашествіе. Стр. 199—231.

Историческое значеніе татарскаго ига.—Литературные памятники.—Первые рассказы о татарахъ въ лѣтописи: мнѣ о Гогѣ и Магогѣ.—Легенды.—

Задонщина. — „Слово о погибелѣ русскія земли“. — Серапіонъ Владимірскій. — Вассіанъ Ростовскій. — Отраженіе татарскихъ временъ въ народной поэзіи	стр. 199
Библиографическія примѣчанія	227

Глава VII.—Древнее просвѣщеніе. Стр. 232—283.

Лѣтописныя извѣстія о школѣ при Владимірѣ и Ярославѣ, и др. — Переводовная дѣятельность. — Мнѣнія ученыхъ о древней школѣ. — Показаніе новгор. архіеп. Геннадія въ XV вѣкѣ. — Знаніе старинныхъ людей о чловѣкѣ и природѣ. — Источники этого знанія: Шестодневъ, Іоанна Экзарха Болгарскаго; Палаея; Козьма Индикопловъ; Похвала къ Богу, Георгія Писиды; Физіологъ; свѣдѣнія историческія и географическія; счисленіе. Азбуковникъ. — Показанія иностранцевъ.	282
Библиографическія примѣчанія	279

Глава VIII.—Лѣтопись. Историческія сказанія. Житія. Стр. 284—318.

Историко-литературная цѣнность лѣтописи. — Научное изслѣдованіе ея съ XVIII вѣка. — Начало древней лѣтописи: среда, въ которой она могла произойти. — Начальная лѣтопись, и лѣтописи мѣстныя. — Лѣтопись московская. Историческія сказанія и житія. — Мѣстныя легенды и святѣи. — Стиль житій XIV—XV вѣка: Кипріанъ, Пахомій Сербинъ, Епифаній. — Четыи-Минеи. — Хронографъ.	284
Библиографическія примѣчанія	314

Глава IX.—Мѣстныя черты историческихъ сказаній и легенды. Стр. 319—362.

Областныя черты старой русской жизни. — Сказаніе о св. Андреѣ. — Мѣстныя лѣтописи. — Развѣіе легендарной поэзіи. — Кіевъ. Новгородъ. — Ростовъ. Смоленскъ. Владиміръ. Тверь. — Москва. — Повѣсть о бѣломъ клубкѣ. . . .	319
---	-----

Глава X.—Паломничество до половины XV-го вѣка. Стр. 363—410.

Первые паломники. — Эпическое представленіе паломника-калика. — XII вѣкъ: Даниилъ игумень; — Новгородскіе „сорокъ каликъ“; — Архіепископъ Антоній (Добрыня Ядрейковичъ). — XIV вѣкъ: архіепископъ Василій; — Стефанъ Новгородецъ; — архимандритъ Агрефеній; — Игнатій Смоленянинъ; — дьякъ Александръ. — XV вѣкъ: Зосима; — „Бесѣда о святѣныхъ Царяграда“; — Епифаній; — гость Василій; — священноиннокъ Варсонофій.	363
Библиографическія примѣчанія	405

Глава XI.—Отреченныя книги. Стр. 411—482.

Обильное распространеніе легенды въ средневѣковомъ міровоззрѣніи на Востока и на Западъ. — Византійскій и южно-славянскій источники нашей ле-

генды и „отреченныхъ книгъ“. — Исторія и составъ статьи „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“, — Апокрифы въ русскихъ памятникахъ древняго и средняго періода.

Дуалистическія сказанія о міротвореніи. — Апокрифы ветхозавѣтныя и новозавѣтныя. — Апокрифы церковно-историческія. — Сказанія о концѣ міра. — Богомилскіе апокрифы. — Бесѣда трехъ святителей. — Суевѣрія и гаданья. — Апокрифы западнаго происхожденія	411
Библиографическія примѣчанія.	471
Дополненія	483—484

ВВЕДЕНИЕ.

ОБЪЕМЪ ПРЕДМЕТА.—РАЗРАБОТКА ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Вопросы литературной истории.—Изучение литературы „всеобщей“ и литературъ національных.—Различныя точки зрѣнія и объемъ изученія.—Литература какъ художество; какъ „психологія народа“; исторія литературы какъ часть „филологіи“. Матеріалъ исторіи литературы.

Начало изученій русской литературы съ конца XVII вѣка.—Художественно-критическая исторія литературы, Бѣлинскаго.—Новыя возбужденія: изученіе древней письменности; интересы этнографическіе; изученіе славянства; сравнительная филологія и собраніе памятниковъ народной поэзіи; изученіе литературы какъ отраженія исторической жизни общества и народа.—Историко-сравнительное изученіе: международныя отношенія литературы.

Ни одинъ вѣкъ литературы не былъ такъ богатъ, какъ девятнадцатый, изслѣдованіями о содержаніи и развитіи литературы—и въ ея цѣломъ, литературѣ всеобщей, и въ ея частяхъ, литературахъ національных. Мысль о всеобщей литературѣ, стремленіе создать общее представленіе о литературахъ всѣхъ народовъ, — откуда, подъ вліяніемъ философско-историческихъ теорій, возникало даже стремленіе построить развитіе единого цѣльнаго поэтического движенія во всемъ человѣчествѣ, — никогда прежде не возбуждала научной пыливости въ такой мѣрѣ: этой мысли и стремленія даже вовсе не было, потому что до девятнадцатаго вѣка не было сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній о фактическомъ матеріалѣ того громаднаго количества разноплеменныхъ литературъ, какое является теперь передъ научнымъ изслѣдованіемъ. Подъ вліяніемъ разнообразныхъ условий, дѣйствовавшихъ въ нашемъ вѣкѣ и частію совершенно неизвѣстныхъ прежнимъ вѣкамъ, напримѣръ, даже сильно возбужденному XVIII вѣку, — какъ цѣлый рядъ новѣйшихъ національных „возрожденій“; какъ поэтический романтизмъ, искавшій расширить обычныя мотивы и нормы поэзіи; какъ широкое развитіе

филологін, открывшей совсѣмъ новые предметы и методы литературно-культурнаго изслѣдованія; какъ чрезвычайное расширеніе путешествій, дававшихъ возможность изслѣдованія почти недоступныхъ прежде народовъ, и вообще расширеніе международныхъ сношеній,—изслѣдованіе обняло такую массу новыхъ данныхъ, какая прежде была совершенно неизвѣстна, и вслѣдствіе того возникла цѣлая новая безграничная наука, или рядъ наукъ, поставившихъ своей цѣлью изысканія въ различныхъ областяхъ литературы, понятой въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Открылась, однако, такая сложность вопроса, что новая наука, отложивъ пока универсальныя рѣшенія, направилась въ послѣднее время именно на изученіе литературъ національныхъ.

Множество новыхъ точекъ зрѣнія или новыхъ предметовъ, которые найдено было нужнымъ привлечь къ „историко-литературному“ изученію, было таково, что старыя рамки этого изученія уже вскорѣ оказались слишкомъ тѣсными и непригодными. Это изученіе прежде всего привлекло народную поэзію и, вмѣстѣ, все связанное съ нею разнообразіе народнаго обычая и преданія, самой далекой народной старины и языка, такъ что уже съ этимъ однимъ прежнее понятіе о литературѣ должно было радикально измѣниться; и мало того, ставши на этотъ путь, историческое изслѣдованіе стремилось все больше углубляться въ процессы и отношенія народной жизни, такъ что наконецъ собственно литературный элементъ долженъ былъ отступить на второй планъ передъ широкой постановкой вопроса о „народной психологій“, которая въ свою очередь тѣсно соединилась съ изученіями чисто натуралистическими, какъ антропологія¹⁾; изученія языка, въ которомъ признано было гораздо болѣе важное, чѣмъ прежде понималось, орудіе народной поэзіи и литературы, создали опять неизвѣстную прежде науку исторіи языка, которая въ свою очередь, въ области изслѣдованія звука, сближалась опять съ натуралистическими изысканіями (въ фізіологій) и въ изслѣдованіи природы ритма, въ народной поэзіи и литературномъ стихѣ, обращается уже къ теоріи музыки; изученія самаго содержанія литературныхъ произведеній, гдѣ прежде довольствовались одними неопредѣленными указаніями на его отношеніе къ дѣйствитель-

¹⁾ Замѣтимъ напр., что у насъ въ сороковыхъ годахъ этнографія (заклучавшая, кромѣ изученія внѣшняго народнаго быта, въ особенности изслѣдованія народной поэзіи) внесена была, какъ особый отдѣлъ, въ труды (петербургскаго) Географическаго Общества; въ концѣ шестидесятыхъ годовъ та же наука является въ составѣ (московскаго) Общества Естественнаго, Антропологій и Этнографій; въ третьемъ (казанскомъ) Обществѣ она поставлена въ ряду Исторіи, Археологій и Этнографій, и т. д.